

Лу Чанцин колошматил жену, старуха Лу и Лэн Сянлянь выступали дуэтом — кричали в унисон, будто песню завели. Дети постарше жалась в углах, не пикнув, младшие ревели от страха. Старик Лу, придерживая поясницу, корчил страдальческую мину — дескать, помираяю. Представление выдалось куда азартнее вчерашней поимки вора.

Лишь один человек не издавал ни звука — Лу Чангэн. То ли от ярости за родню, то ли от стыда, лицо его, грубое, мужицкое, налилось багровым румянцем. Но стоял он, как столб, глядел на всю эту канитель — и ни слова.

Цзи Жань видел это и понимал. Лу Чангэн — человек, для которого лицо дороже всего, но при этом — отпетый трус. Стыдно ему за семью, злится — а выступить не смеет. Только зубы стискивает да в стороне стоит.

А старуха Лу между тем выла вовсю, её визг заглушал даже вопли Гао Хуэй.

— Окаянные! Бессердечные твари! За что мне такое наказание? Эти изверги только о том и думают, как бы с нас, стариков, последнюю копейку содрать! Жить не дают!

Чёрт побери! Дошла уже до «последних грошей на похороны»! Ну и натиск!

Будь это не его дело, Цзи Жань бы, пожалуй, аплодировал стоя. Слова несвязные, а перетекают друг в друга без единого шва. Мастерство!

Взглянул он на старосту — у того усы дёргались, лицо переливалось всеми красками удержанного смеха.

Но какой бы спектакль они ни закатывали, цель у старухи и Лэн Сянлянь была одна: наглым скандалом добиться своего, чтобы всё — им, а ничего — другим. Попросту говоря, выманить что-то из ничего.

— Пойдём, с ними не сговоришься, — Лу Чжэнь знал это лучше всех, не зря же в детстве сбежал. — Потом я за тебя им всыплю. Не останешься в обиде.

Цзи Жань и вправду спорить больше не хотел, но уходить, как советовал Лу Чжэнь, не стал. Вместо этого он обернулся к старосте с улыбкой.

— Простите за этот балаган, господин староста. Здесь небезопасно, как бы чего не вышло. Может, я вас провожу? — Сказав это, Цзи Жань, не глядя на неистовствующую семью Лу, почтительно сложил руки и поклонился.

— Что ж, пожалуй, — староста кивнул. Зрелище хоть и занятное, да вот голосистые бабы уши насквозь сверлят, голова раскалывается. Задерживаться не хотелось.

Цзи Жань улыбнулся и направился к старосте.

Но не успел он сделать и двух шагов, как Лу Чангэн, до того стоявший столбом, вдруг рванул с места. В несколько широких шагов он преградил Цзи Жаню путь и, не дав опомниться, влепил ему кулаком в лицо.

Удар был что надо — щека у Цзи Жана тут же распухла, в уголке рта выступила алая кровь.

— Это всё из-за тебя! С тех пор как ты в наш дом пожаловал — покоя не знаем! Убью, проклятого! На женщин нападать — это твоё?! Забыл, что ты мужчина, раз замуж выдался? Я

тебе напомню!

Глаза Лу Чангэна налились кровью. С каждым криком он обрушивал на Цзи Жаня новый удар.

Цзи Жань сначала опешил, но быстро очнулся. Принимать побои безропотно он не собирался. Уворачиваясь, он ловко боднул Лу Чангэна коленом в пах. Силы ему, худощавому, с этим быком не сравнить, но удар ниже пояса он отточил до совершенства. Лу Чангэн отлетел на несколько шагов, споткнулся о табурет и рухнул вместе с ним.

Лу Чанцин, до этого лупивший Гао Хуэй, с рёвом кинулся на Цзи Жаня.

— Сука! Моего брата тронул?! Щас прикончу! — Лу Чанцин был подлее: схватил длинную скамью и замахнулся на Цзи Жаня.

— Лу Чанцин, как смеешь! — Лу Чжэнь рванул Цзи Жаня за собой, прикрыв собой. Взгляд его стал ледяным, смертоносным.

Взгляд этот источал такую свирепость, что, будь он зрим, кровь бы стыла. Но видел его один лишь Цзи Жань.

Всё произошло в мгновение ока. Раздался оглушительный треск — и скамья в руках Лу Чанцина разлетелась вдребезги. В наступившей тишине все замерли.

— Третий!

Вопль старухи Лу прорезал тишину. Все очнулись. Лу Чанцин лежал в луже крови, всё лицо в занозах и щепках.

Никто не мог понять, как вышло, что Лу Чанцин, замахивавшийся на другого, угодил скамьёй себе по голове. Да ещё с такой силой.

Гао Хуэй, забыв про свою обиду, в ужасе бросилась к мужу, обхватила его окровавленную голову и закричала бледным как полотно лицом:

— Лекаря! Быстро за лекарем!

Все встрепенулись, засуетились.

— Мама, не волнуйся, я за лекарем Фанем сбегаю! — Это кричал старший сын Лу Чанцина, двенадцатилетний Лу Цзымин. Ростом он уже с Гао Хуэй, плечистый — настоящий подросток. Среди ребятни он один был на что-то способен. Не дожидаясь ответа, он бросился к выходу.

На пороге Лу Цзымин резко остановился, обернулся и швырнул Цзи Жаню полный ненависти взгляд, прежде чем умчаться прочь.

Цзи Жаня этот взгляд покоробил. Яблоко от яблони, что и говорить. Какое он, чёрт возьми, отношение к этому имеет? Это же не он Лу Чанцина скамьёй огрел! Если разобраться, так Лу Чанцин по нему целился, он жертва! Не будь Лу Чжэня, его бы сейчас тут с проломленной башкой валялось. А этот щенок ещё и косит!

Но разобраться сейчас с сопляком было недосуг. Цзи Жань повернулся к старосте, который уже от греха подальше забился в угол.

Староста, всё ещё взволнованный, провёл ладонью по груди. Встретив взгляд Цзи Жаня, он, не

раздумывая, быстрым шагом направился к выходу. За его резвость и не скажешь, что человек в годах.

Цзи Жань и сам не собирался задерживаться. Проводив старосту, он двинулся следом. Не начни братья Лу эту потасовку, он бы уже давно ушёл.

Староста шёл впереди, но у самых ворот вдруг остановился.

— Коли можешь — съезжай поскорее. А то только мука будет. Ты ведь мужчина, брак-то номинальный. Чего в женской доле киснуть? Шалаш сколотишь где — и то вольготнее будет. Насчёт земли — коли нужно, приходи ко мне на окраине, — вздохнул староста. Зрелище было занятным, но и Цзи Жаню он от души сочувствовал.

В груди у Цзи Жаня потеплело. Он сложил руки и от всего сердца поклонился.

— Тогда заранее благодарю вас, господин староста. — Он как раз ломал голову, где бы землю подыскать, а тут — прямо в руки.

Староста махнул рукой.

— Пустяки, не стоит.

Он уже собрался уходить, но Цзи Жань вдруг остановил его.

— Господин староста, если не заняты — не зайдёте ли ко мне на минутку?

Староста приостановился. Его цепкий взгляд на мгновение задержался на улыбающемся лице Цзи Жаня, затем он кивнул.

— Прощу, — Цзи Жань посторонился, пропуская его вперёд.

Староста охотно последовал за ним.

Цзи Жань привёл старосту к себе в комнату, усадил на самое почётное место и с лёгкой неловкостью сказал:

— У меня тут пока совсем пусто, даже кипятку не могу предложить. Прощу извинить за неустройство.

— Ничего-ничего, — староста в душе гадал, зачем Цзи Жань его позвал, но виду не подал и ответил учтиво.

— Осмелюсь попросить вас обождать минутку, я сейчас вернусь, — сказал Цзи Жань и скрылся в соседней горенке.

Лу Чжэнь, разумеется, последовал за ним. Увидев, как тот роется в заплечной корзине, спросил:

— Что ищешь?

— Мы же две маленькие кружки рисового вина купили. Одну хочу старосте преподнести. — Вино это Цзи Жань прихватил и для готовки, и для себя — попробовать, каково оно, древнее-то. Кружки маленькие, вот и взял про запас. Не думал, что так скоро пригодится, хоть и не по изначальному замыслу. Всё же вещь.

С этими словами он отыскал одну из глиняных кружек, обхватил её обеими руками и вышел обратно.

<http://bllate.org/book/16271/1464311>